

"Мы здесь, теперь все выстраиваются в очередь и выходят, во время мероприятия нельзя ходить одному". Тан Бай встал и первым вышел из машины на воздушной подушке.

Господин Линь стоял с детьми на обочине дороги и ждал их пораньше. Когда он увидел, что Тан Бай и ученики выходят, господин Линь подошел: "Вы здесь, на этот раз вам будет трудно".

"Это занятие граффити интересует всех, мы все до сих пор рады, что в трущобах так много места для наших игр". Тан Бай открыл свой чемодан и раздал детям подарки.

Когда он вручил Лу Сяошаню матерчатую куклу, которую сделал сам, Тан Бай заметил, что веки Лу Сяошаня немного припухли, и он выглядел как не в своей тарелке.

"Что случилось?" Тан Бай коснулся головы Лу Сяошаня и спросил мягким голосом.

Лу Сяошань покачал головой, обнимая куклу.

Тан Бай посмотрел на господина Линя, который вздохнул и сказал: "Его отец исчез, к счастью, вы помогли его матери с болезнью раньше, и теперь его мать поддерживает семью, пока ищет его отца".

"Заявление в полицию?!" Глаза Тан Бая расширились.

"Была вызвана полиция, и полиция проводит расследование". Но ожидалось, что расследование не принесет особых результатов; в трущобах люди пропадали каждый день, и лучше было сказать, что они пропали без вести, чем погибли, и им повезло найти хоть одно тело.

Тан Бай помнил, что в последний раз, когда он видел Лу Сяошаня, Лу Сяошань искал своего отца, но как он мог ожидать, что в следующий раз, когда он увидит его снова, отец Лу, которого он никогда не видел раньше, исчезнет без единого слова.

"Я в порядке, брат Шугар, тебе не нужно беспокоиться обо мне". Лу Сяошань мягко сказал.

Любые слова утешения в этот момент были бледными и слабыми, и Тан Бай мог только обнять Лу Сяошаня.

Во время сеанса граффити дети из трущоб также приняли участие, и их эскизы были основаны на теме, которую им дал господин Линь, - "Желания".

На некоторых детских рисунках были изображены дома из еды, с хлебными деревьями и реками молока рядом с ними.

Некоторые из них были красивыми, с узорами, как у Тан Бая, которые нарисовал Цзян Сяоюань.

Были и более простые - куча золотых звездных монет.

Тан Бай увидел рукопись Лу Сяошаня, на которой была изображена семья из трех человек, счастливо и красиво стоящая вместе.

"Давайте начнем". Тан Бай поднял аэрозольную краску и обратился к толпе.

Вскоре улица за улицей на замусоренной улице, на зеленой улице и в трущобах были переполнены разноцветными и яркими красками.

Они чувствовали себя отчужденными.

Трущобы, в которых они жили, были похожи на старого друга, с которым они общались каждый день: грубые, уродливые, неинтересные, настолько однообразные, что не требовали особого общения.

Но теперь этот старый друг был одет в новую одежду, узоры переплетались с краской из баллончика, словно это была новая история, которую он принес, новая и божественная.

"Не хочешь ли ты пойти с нами и примерить его?". Тан Бай крикнул прохожему, который уже давно наблюдал за ним.

Другой человек подсознательно сделал шаг назад и заикнулся: "Я не знаю как".

"Вполне нормально рисовать одним цветом. Здесь много цветов, ты можешь выбрать один и покрасить свой дом в тот цвет, который тебе нравится". с энтузиазмом сказал Тан Бай.

"Как голубой?" Тан Бай заметил нетерпеливый взгляд собеседника и улыбнулся, протягивая синюю краску.

С началом работы все больше и больше людей приходили просить аэрозольную краску и ведра для краски.

[Я не думаю, что они здесь для того, чтобы воспользоваться ситуацией, верно? Я думаю, что они собираются украсть краску и продать ее позже.]

[Не позволяйте им рисовать, они еще не научились, это будет выглядеть ужасно].

[Они пришли помочь Шугару разрисовать стены, и они сделали всю грязную работу, разве вы не видели, что именно они перенесли вонючий мусор?]

[Хотя они и разрисовали его не очень, это место, где они живут, и они могут делать его таким, как им вздумается].

В первый раз, когда они сделали это, жители трущоб ничего не знали о силе аэрозольной краски или цветовой гамме, и результаты выглядели не очень хорошо, но даже поп-апы, которые всегда были твердого мнения о трущобах, не могли сказать ничего критического, когда увидели улыбающихся жителей.

Это была улыбка, полная участия и чувства принадлежности, ярче любого цвета.

Эти люди неосознанно участвовали в процессе улучшения внешнего вида трущоб, яркие краски, нарисованные на унылых зданиях, освещали их унылую жизнь.

Тан Бай стоял на лестнице, распыляя краску. На полпути вверх по лестнице он вдруг почувствовал слабость в конечностях, но не от перетренированности и истощения, а от изменений в его теле.

Это была не слабость после перетренированности и нагрузок, а внутренние изменения в его организме. Считая время, это должно было быть время руты.

Тан Бай спустился с лестницы и быстро ввел себе ингибитор через рюкзак.

Ингибитор был прохладным, но во время введения этого ингибитора Тан Бай смутно почувствовал намек на тепло.

Он подсознательно почувствовал, что что-то не так, и прежде чем Тан Бай успел отреагировать, электрическое покалывание пробежало от его шеи до всего тела, и через мгновение бушующий и стремительный жар воспламенил его тело, заставив открытые участки кожи стать персиково-красными.

От тела Тан Бая исходил очень слабый феромон, легкий и неочевидный под резким запахом краски.

Но Тан Бай знал, что это лишь вопрос времени.

Он вздрогнул и убрал наполовину влитое зелье; с этим зельем было что-то не так, а не то, что ингибитор не сработал; вливание сработавшего ингибитора никогда бы не привело к такому результату, как гипноз.

Кто-то изменил его ингибитор!

<http://bllate.org/book/15734/1408542>